

ВОСПОМИНАНИЯ ЧУДОМ УЦЕЛЕВШЕГО

Перед Вами воспоминания рядового Эрнеста Хиткоута (Ernest John Clinton Heathcote), уроженца города Беллинген, Новый Южный Уэльс. Он добровольно записался в армию 15 июля 1918 года в возрасте 19 лет, желая принять участие в войне за Короля и Отечество. Ему не довелось попасть на Западный фронт, и он, желая понюхать пороху, весной 1919 года вступил в NRRF. Он принял участие в упорных боях августа 1919 года и буквально чудом уцелел, получив несколько ранений. Чтение его мемуаров, написанных в 1920 году, не оставляет сомнений в том, что бои между частями Красной армии и британскими войсками носили исключительно ожесточенный характер с тяжелыми потерями у обеих сторон. В связи с этим, утверждения некоторых историков о том, что иностранная интервенция в России была незначительным эпизодом Гражданской войны, могут вызвать только ироническую улыбку. Впрочем, судите сами...

В апреле 1919-го года Британское правительство объявило о наборе добровольцев в North Russia Relief Force/Силы Прикрытия в Северной России для того, чтобы дать возможность вывести оттуда войска, которые провели в России зиму и которых «сбрасывали в море» – так говорили в Военном Министерстве. Как-то утром в наш лагерь в Солисбьюри Плейнс/Salisbury Plains примчался офицер одного из гвардейских полков. На его кителе была нашивка в виде белой пятиконечной звезды на голубом фоне (эмблема NRRF – В.К.). Вскоре нам сообщили, что в 12.30 в столовой он будет рассказывать о ситуации в северной России. Как можно было ожидать, весь лагерь собрался на эту лекцию, на которой он пояснил, что его послало в австралийские военные лагеря Военное Министерство для набора добровольцев в NRRF. Его слова заглушил вой и предложения «убираться домой». Это была неприятная сцена, особенно для офицера, но для нас это был всего лишь юмористический эпизод на фоне монотонных солдатских буден.

Солдаты много говорили об этом, и в это же время было немало волнений по поводу того, что австралийским властям пора бы побеспокоиться об отправке нас домой, так как все были сыты по горло сидением в лагере и бездельем. Было интересно, найдутся ли среди нас добровольцы на отправку в Северную Россию в составе имперских сил? Набралось около двух сотен, и к концу следующего месяца было сформировано австралийское пулеметное отделение.

Австралийское отделение прибыло в Архангельск 30 июня. Поскольку я был не с ними, я не буду писать об их делах. Можно лишь сказать, что они подтвердили свою высокую репутацию и поддержали доброе имя, которое австралийские войска заслужили во Франции.

Девятого июня в Россию отправляли колониальное отделение пулеметного батальона. В нем было четверо нас, австралийцев, остальные были южноафриканцами и канадцами. Мы сошли на берег в Архангельске 20 июня после приятного путешествия через ледовые поля северных морей. Оттуда 45-й батальон королевских стрелков, среди которых было тридцать австралийцев, отправили вверх по Двине в деревню Пинега, стоящую на реке с таким же названием – большом притоке Двины. Затем их послали в Осиново – маленькую деревню в 300 милях вверх по реке от Архангельска. Вы можете себе представить, что войска, которые мы собирались сменить, были далеки от того, чтобы быть «сталкиваемыми в море», как утверждали английские власти и газеты. Здесь мы, пулеметчики, присоединились к 201-му Пулеметному Батальону, в котором нам пришлось пройти кое-

какую подготовку, очень монотонную для нас, австралийцев, и вскоре нам пришлось понять значение слова «дисциплина». В душе мы были готовы взбунтоваться, но так как нас было всего двое, то пришлось заткнуться и терпеть. Мы были удивлены количеством военного снаряжения, которое британское правительство отправило на этот фронт. В Березнике – деревне на противоположном от Осиново берегу реки, был аэродром и база для гидропланов, на реке стояли три больших монитора.

Хорошо известно, что солнце в России в это время светит днем и ночью, и погода стоит теплая. Вследствие этого мы занимались боевой подготовкой ночью, а спали днем в жару. Как-то в час ночи мы в полном составе встречали «знаменитый» батальон Дайера, состоявший из бывших большевиков, пошедших в ряды русских лоялистов, чтобы воевать против своих бывших товарищей. У них были британская форма, снаряжение, командовал ими капитан Дайер (Dyer).

Как-то раз во время затишья в боях на левом берегу Двины мы отдыхали в своем лагере после схваток предыдущего дня. Я не был в наряде и играл в карты с приятелями, другие, которым посчастливилось иметь с собой почтовую бумагу, писали письма... Я случайно взглянул в открытую дверь дома, известного как «штаб роты», и увидел нашего отделенного и несколько других офицеров, беседовавших с полковником. Один из ребят заметил, что отдал бы недельное содержание для того, чтобы побыть в тылу еще несколько дней. Вскоре до нас дошли известия о том, что группа добровольцев из 25 человек будет отправлена на патрулирование под командой офицера из другого взвода. Сержант пришел для набора добровольцев, и тут кто-то спросил: «А кто будет командовать?» – «Офицер из 5-го взвода», - ответил сержант. «Делать нам нечего, - сказал наш приятель. – Сержант, закрой снаружи дверь и иди набирать добровольцев в YMCA (Международная Ассоциация Христианской Молодежи), так как здесь нет желающих идти в патруль, а кое-кто из этих читателей Библии может и захочет принять участие в походе».

Этот офицер был известен своей «лихостью» – лихостью в том смысле, что он не дышал от страха, когда на позиции падал снаряд, присматриваясь, нет ли там еще одного лично для него. Так или иначе, его знали как «короля укрытий», если неподалеку падали «стальные рационы». Естественно, никому из нас не хотелось отправляться вместе с ним в путь через тысячу квадратных миль лесов и болот с затаившимися в них большевиками, которые сначала стреляют, а потом беседуют.

Нашлось около пяти добровольцев, появился полковник и стал выяснять, почему мы не хотим идти в патруль с храбрым офицером (так он, во всяком случае, сказал), который жаждет заслужить Военный Крест и очередной чин. Какой-то лондонец ответил, что он (офицер – В.К.) заслужил бы Военные Похороны, если бы не держался на таком расстоянии от большевиков, с которыми ему скоро предстоит сражаться. Так или иначе, патруль был необходим, и для набора добровольцев прислали другого сержанта. Этот сержант всем нравился, и вскоре ему удалось набрать 25 добровольцев.

Мы вышли в патруль примерно часов в десять вечера того же дня в составе 27 человек, вооруженных до зубов винтовками, штыками, мачете и [гранатами Миллса](#). С нами было два пулеметчика с *Льюисами/Lewis*, каждый из нас имел при себе 120 запасных патронов и еду на два дня. Нам приказали патрулировать лес на как можно большем пространстве за линией вражеских позиций.

Мы прошли около 12 миль, когда разведка сообщила, что большая группа людей движется в нашем направлении. Все немедленно спрятались за деревьями, но нас ждало разочарование, так как «большая группа людей» оказалась стадом коров из 4-5 голов. Мы прошли еще какое-то расстояние и немедленно залегли, когда до нас донеслись звуки выстрелов из большевистских винтовок. Вскоре винтовочный огонь усилился, я услышал глухой разрыв гранаты Миллса, примкнул штык и вместе с другими двинулся вперед. Мы

обнаружили, что наш авангард завязал рукопашную с двадцатью двумя большевиками-азиатами. Мы вступили в штыковой бой, британское умение фехтовать сказало свое слово, и вскоре мы опрокинули большевиков. Ни один из них не уцелел. Мы остановились и стали перевязывать своих раненых...

Здесь в мемуарах заметен пропуск, возможно, какая-то часть текста утеряна. Далее речь идет, очевидно, об очередном бунте в белых частях и переходе одной из них на сторону красных.

... Снаряжение попало в руки врага, в том числе, много пулеметов *Льюис* и *Виккерс/Vickers*, которые прихватила с собой группа бунтовщиков, бежавших и присоединившихся к революционерам. Через две недели мы переправились на другую сторону реки. Пулеметчики встали на огневые позиции, а стрелки расположились вдоль линии фронта, протягивающейся от левого берега реки между Яколевским и Сельцом – на тот момент укрепленным пунктом большевиков.

Ситуация была критической, и это подвешенное состояние сильно давило на психику. Время от времени проносились слухи об эвакуации, но нам сказали, что предстоят бои, и уйдем мы после того, как нанесем большевикам хороший удар и передадим позиции лояльным русским частям, которым этот удар придаст силы и уверенности в себе.

Наконец настало время боя. После трех дней в пути через леса и болота, где только проводники знали направление атаки, голодные и усталые, в 12 часов в воскресенье 10-го августа мы пошли в наступление. 3-е и 4-е отделения Роты А 201-го Пулеметного Батальона, поддержанные 3-м и 4-м отделениями Роты D 45-го Батальона Королевских Стрелков (австралийцы) вместе с небольшим количеством русской пехоты и кавалерии на левом берегу Двины и с остальными подразделениями 45-го батальона и пулеметчиками на правом берегу при поддержке мониторов, аэропланов и гидропланов и артиллерии двинулись на Сельцо, Леповицы, Слудку, Магуку и Португу на левом берегу и (название неразборчиво), Сатангу, Городок и Борок на правом берегу Двины.

Большевики находились под жесточайшим и ошеломляющим огнем артиллерии все утро. Они были полностью деморализованы, когда в штыковую атаку пошли герои боев во Франции и Бельгии, продвигавшиеся вперед, невзирая на пулеметный и винтовочный огонь. В самих деревнях бой был коротким и решительным. Австралийское отделение – 30 человек вело за собой Роту D через одну деревню за другой. Нашему отделению пулеметного батальона пришлось сосредоточить огонь на речных мониторах противника, с палуб которых он поливал пулеметным огнем ряды британцев. Мы удерживали позиции на протяжении двух с половиной часов и заставили замолчать вражеские пулеметы. Когда отряд из примерно 200 морских пехотинцев (красных – В.К.) высадился, чтобы помочь своим, они не прошли и двадцати ярдов, так как были отличной мишенью для наших пулеметчиков. Увидев то, какой урон наносят наши пулеметы, противник обрушил на нас огонь шестидюймовых орудий с расстояния примерно триста ярдов. Первый же снаряд разнес мой пулемет, убил двоих ребят из нашего расчета и подбросил меня в воздух. Я очутился на земле со сломанной ногой и вывихами в лодыжке и локте. Остальные пулеметы были вскоре переведены в укрытие, и мы двинулись в следующую деревню, которую уже захватили стрелки.

Захватив Португу, Магуку, Слудку и Леповицу, мы ожидали увидеть британские части, двигавшиеся в нашу сторону через Сельцо, но после пяти атак британцы так и не сумели захватить большевистские позиции. Командующий нашей группой войск, посоветовавшись с другими офицерами, решил попытаться пробиться к старой мельнице – главной позиции на крайнем правом фланге нашей линии. Несколько местных жителей вызвались быть проводниками. Мы тронулись в путь, и большевики, должно быть, догадавшись о наших намерениях, обрушили на нас град шрапнели, чрезвычайно затруднив наши действия.

Пройдя примерно 14 верст (около 12 миль) мы приблизились к болоту шириной в полторы мили, через которое был переброшен пешеходный мостик в две доски, так что вы можете себе представить, сколько времени занял переход по нему большой группы людей со всем снаряжением и ранеными на носилках. В тот момент, когда примерно половина группы перешла через болото, а вторая растянулась по всей его длине, арьергард призвал всех двигаться быстрее, так как с тыла на нас надвигались большевики. Через четверть часа арьергард вступил в бой с большевиками, но так как наших было совсем мало, большевики вскоре смяли их. Выйдя на край болота, они открыли огонь по нашей цепочке. Многие были ранены, в основном, легко, но шансов выбраться из засасывающей болотной трясины у них не было. Вернувшийся назад отряд занял оборону, в то время как большинство залегло на дощатом мостике. Два наших пулемета, расположенных уже на противоположном берегу, открыли огонь и, несмотря на большое расстояние, вынудили большевиков отступить в поисках укрытия и дали возможность всем перебраться через болото. Передо мной была печальная картина – из трясины торчали руки и ноги, люди предпринимали последние усилия, чтобы выбраться. В этом бою мы потеряли 42 человека... (Судя по всему, за этот бой получил *Крест Виктории* австралиец Артур Салливан – В.К.).

Теперь перед нами была другая проблема: один из наших проводников был убит, другой удрал в лес. Было около двух часов ночи, нас постоянно атаковали, в результате чего мы разбились на несколько групп, лишенных проводников. В нашей группе было 39 бойцов, способных сражаться, я еще с двумя офицерами на носилках и более 80 пленных. Несколько пленных добровольно вызвались провести нас в Яковлевское, где была наша база. Вместо этого один из них вывел нас на большевистский лагерь, но в нем было только около 20 человек, и мы одолели их, потеряв трех человек и взяв еще девятых пленных. Проводник был немедленно расстрелян. Мы были голодны и хотели пить и целый день бродили по лесу без еды и воды, боясь наткнуться на большевиков, которые, как мы полагали, преследовали нас. Так оно и было, так как в ту ночь мы опять вступили в бой, но наши парни с винтовками знали, что делать, и мы потеряли только одного человека раненым, в то время как у большевиков было 18 убитых и около 20 раненых. Наши пленные тоже пострадали – около 40 из них были убиты и ранены, кто-то из них удрал в лес. Один из нас предложил расстрелять остальных пленных, но офицер и слышать об этом не хотел и сказал, что они будут нести носилки. Нас одолевал голод: мы ничего не ели с субботы, а был уже вечер понедельника. С воскресной ночи у нас не было воды. Весь вторник и среду мы не могли выбраться из этого тысячемильного леса.

В четверг утром один из солдат, бродя по лесу, нашел воду, и мы как следует утопили жажду, оставаясь, однако, голодными. Ночь четверга прошла для нас очень беспокойно: мы слышали, как совсем близко прошли несколько большевистских патрулей. Около пяти часов утра в пятницу мы обнаружили, что нас окружили. Жаркий бой длился около часа, мы потеряли четырех парней убитыми и нескольких ранеными. Большевики отошли на время (до семи часов), затем атаковали снова, но были встречены огнем из всего лишь двадцати винтовок. Лежа на левом боку на носилках, я заметил, как парень рядом со мной перевернулся на спину - я увидел, что пуля попала ему в лоб, сделал усилие, дотянулся до его винтовки и тоже открыл огонь. К восьми часам наши дела были плохи: кончались патроны, все обессилело от голода. Большевики числом около 20 человек пошли в атаку в третий раз, и на протяжении примерно 10 минут продолжался рукопашный бой, пока мы не услышали чьи-то радостные возгласы и в бой не вступили 50-60 наших стрелков, которые спасли нас от полного уничтожения. В нашей группе из 42 человек в живых осталось только шестнадцать, и только трое из них не были ранены, но погибшие дорого продали свои жизни. Около двадцати пленных были живы, но почти все были ранены. Все эти цифры я узнал от своего приятеля, когда лежал в госпитале. Я помню радостные крики и то, как появились наши стрелки, но последнее, что я запомнил – это глоток спиртного, которое мне силком залили в рот. Потом я спал на протяжении шести часов, затем обнаружил, что мы все еще бредем по лесу. Один из тех, кто нес мои носилки, спросил, не хочу ли я есть. Он дал мне фунтовую консервную банку говядины, и я не думаю, что когда-либо ел что-нибудь вкуснее этого. На перевязочном пункте мы выпили теплого чаю с ромом и наелись досыта. На другой день пришлось срезать ботинок с моей ноги: началась гангрена. Моя

нога была также сломана выше колена, рука вывихнута в локте, но я был доволен, так как все это означало, что меня отправят в Англию.

У меня была приятное путешествие вниз по реке на госпитальной барже... В Архангельске доктор сказал, что меня отправят в Англию на госпитальном судне 29-го августа и, вероятнее всего, мне придется ампутировать ногу. Отличная перспектива! Я был счастлив, когда мы отплыли из Архангельска, так как знал, что наконец-то покидаю страну большевиков, но мне было жалко ребят, которые все еще оставались здесь дожидаться эвакуации...

Я часто спрашивал себя после этого, зачем Англия вообще посылала войска в Россию? Полковнику Джону Шервуду-Келли John Sherwood-Kelly (1880-1931), кавалеру *Креста Виктории*, сделали суровое внушение за откровения, касающиеся России и британской политики в этой стране. В своем письме, опубликованном в *Daily Mirror*, он сказал, что это пустая трата множества человеческих жизней и, в особенности, жизней тех, кто прошел через бои в Бельгии и Франции. После этого британская общественность потребовала полного вывода войск из России...

Материалы получены из Австралийского Военного Мемориала/Australian War Memorial

Возврат к главной странице www.warsstory.org